

ФРАНЦИЯ В ВЕНСКОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

И.В. Изнатченко

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Россия, 119606, Москва, пр. Вернадского, д. 84.

Венская система международных отношений, оформившаяся на Венском конгрессе в 1814-1815 гг., стала настоящим вызовом для французской политической элиты на все последующие десятилетия. Франция оказалась побеждённой стороной и была таким образом морально унижена. Задачей для всех французских правительств после 1815 г. было улучшить положение Франции в сложившейся новой системе международных отношений, в том числе за счет дестабилизации и взлома самой Венской системы. В годы Реставрации во Франции (1814-1830 гг.) главной внешнеполитической акцией правительства Людовика XVIII стала интервенция в Испанию в 1823 г., ставшая ответом на испанскую революцию 1820-1823 гг. Французское правительство, отражая интересы европейской реакции, надеялось поднять этим военный престиж Франции, и как следствие поставить вопрос о пересмотре венских трактатов 1815 г. Несмотря на успех интервенции, больших политических дивидендов Франции она не принесла. После Июльской революции во Франции 1830 г. внешняя политика Франции активизировалась. Ведущие французские политики довольно четко определили исключительные сферы влияния Франции, и в 1832 г. французские войска вторглись в Среднюю Италию, захватив город Анкону. В 1840 г. в ходе второго Восточного кризиса французское правительство впервые с наполеоновских войн противопоставило себя остальной Европе. В конечном итоге, стратегические позиции Франции на Ближнем Востоке оказались ослаблены. Но обострение международного конфликта способствовало усилению французской армии и флота. Дальнейшие успехи французской дипломатии будут связаны с периодом Второй империи во Франции, в частности, с Крымской войной, в результате которой Франция повысила свой статус, и решением итальянского вопроса во второй половине 60-х гг. XIX в.

Ключевые слова: Венская система международных отношений, Франция, Реставрация, Июльская монархия, Восточный кризис, интервенция, Людовик XVIII, Ф. Шатобриан, А. Тьер, Ф. Гизо.

Венская система международных отношений, оформившаяся на Венском конгрессе в 1814-1815 гг., стала настоящим вызовом для французского политического класса на последующие десятилетия. Сохранив место в пентархии «великих держав», Франция в качестве побеждённой стороны, тем не менее, лишилась прежде завоёванных Наполеоном I территорий и была, таким образом, морально унижена. Поэтому задачей для всех французских правительств после 1815 г. было улучшить положение Франции в сложившейся новой системе международных отношений, в том числе за счет дестабилизации и взлома самой системы МО. Но как это можно было сделать?

Вгоды Реставрации во Франции (1814-1830 гг.) Франция по причине идеологической идентичности (абсолютистской сущности реставрированной монархии) избрала в качестве своих стратегических союзников «северные дворы» (Австрия, Пруссия, Россия). Главной внешнеполитической акцией правительства Людовика XVIII в первой половине 20-х гг. стала интервенция в Испанию в 1823 г., ставшая ответом на испанскую революцию 1820-1823 гг.

Революция началась в январе 1820 года выступлением военных под руководством Р. Ригои-Нуньеса в Кадисе. Восставшие принудили короля в марте 1820 г. объявить о восстановлении Кадисской конституции 1812 г., самой либеральной на тот момент в Европе, тем самым, восстановив на некоторое время конституционную монархию в Испании. Революция в Испании вызвала беспокойство европейских монархов. В 1823 г. на Веронском конгрессе Священного союза по инициативе двух французских делегатов — Ф. Шатобриана и М. Монморанси — при поддержке Александра I было принято решение о контрреволюционной интервенции в Испанию силами Франции.

Французское правительство, отражая интересы европейской реакции, надеялось поднять статус Франции в пентархии, и тем самым, реализовать полученный шанс, проявив себя с полезной для Священного союза стороны. В письме от 31 октября 1822 г. к Ж. Виллелю министр иностранных дел Франции Шатобриан подробно изложил свои взгляды: «Подумайте о том, дорогой друг, не следует ли нам ухватиться за единственный, быть может, возможный случай вернуть Франции ранг военной державы и поднять честь белой кокарды при помощи кратковременной, почти безопасной войны, которой настойчиво требуют от нас в настоящий момент общественное мнение роялистов и армия... Конечно, торговые дела и финансы придут на некоторое время в расстройство, но трудности имеются во всяком деле. Уничтожить очаг якобинизма, восстановить на троне Бурбона оружием другого Бурбона - это такие результаты, которые берут верх над соображениями другого, второстепенного рода» [4, р. 133 – 134].

Позднее в своих записках о веронском конгрессе и интервенции в Испании Шатобриан вспоминал, что правительство Людовика XVIII рассчитывало, задушив испанскую революцию, поднять этим военный престиж Франции, и как следствие поставить вопрос о пересмотре венских трактатов 1815 г. Артиллерийские залпы на границе с Испанией должны были, по мысли Шатобриана, отозваться на Рейне, сделать возможным освобождение Рейнской области от прусского господства и вернуть её, в той или иной форме, под власть Франции. Франция рассчитывала также вырвать испанские колонии в Америке из рук англичан и создать там «две – три бурбонских монархии», которые служили бы «противовесом влиянию и торговле Соединенных штатов и Великобритании» [4].

Таким образом, речь шла скорее о воскрешении военного могущества Франции и её политического значения в Европе, чем о простом уничтожении конституции 1812 г. Такова была, подчёркивает Шатобриан, «действительная суть вопроса». «Но мы не могли, - замечает он, - выбалтывать наш секрет с трибуны» [4, р. 286]. Действительно, ни он, ни другие члены правительства не заикались в палатах о своих планах борьбы с экономическим преобладанием Англии, о своем намерении добиться изменения трактатов 1815 г. и расширения французских границ.

При обсуждении тронной речи Людовика XVIII в палате депутатов 28 января 1823 г. Шатобриан подробно изложил мотивы, побуждающие французское правительство к вооружённому вмешательству в дела Испании. Так Шатобриан отметил, что война с Испанией принесет Франции «большие выгоды» и укрепит трон Бурбонов: «Она создаст нам армию, она поднимет наш военный престиж среди других наций, она обеспечит нашу эмансипацию и восстановит нашу независимость» [2, р. 420].

В апреле 1823 г. французские войска вторглись в Испанию, а в мае 1823 г. они уже вступили в Мадрид. Абсолютизм в Испании вновь восторжествовал. Однако в целом Франция не получила больших дивидендов от этой акции. В то же время можно констатировать, что в 1820-х гг. внешняя политика Франции не отличалась активностью и динамизмом. Правительства французской монархии были сосредоточены на решении внутренних проблем и больших усилий для преодоления невыгодных для себя условий Венских договоров не прилагали.

Все изменилось после 1830 г., когда сначала во Франции, а затем и в других странах прошла череда революций. В результате Июльской революции 1830 г. международное положение Франции оказалось сложным. В 1830 г. создавалась реальная угроза статус-кво в Европе – под влиянием Июльской революции во Франции произошли национальная революция в Бельгии, восстание в Польше, началась революция

в Средней Италии. Правящие круги Франции разделились, образовавшиеся группировки выдвигали совершенно противоположные внешнеполитические программы. Некоторые предлагали повторить опыт революционных войн конца XVIII в., большинство же правящего класса Франции разумно склонялось к поиску мирного разрешения ситуации.

Однако пацифизм французских либералов, пришедших к власти после 1830 г., носил временный тактический характер. Почти сразу после Июльской революции во Франции ведущие французские политики довольно чётко определили национальные интересы Франции: «всё, что включено между Рейном, Альпами и Пиренеями... Мы должны защищать всю эту часть континента как саму Францию» [7, р. 64].

Уже в 1832 г. французские войска вторглись в Среднюю Италию, захватив город Анкону. Сделано это было для того, чтобы продвигавшаяся по Италии австрийская армия, подавлявшая мятежи, не поставила под свой полный контроль эти территории. Такая дерзкая акция французского правительства, предварительно не поставившего никого в известность, горячо обсуждалась при европейских дворах. Меттерних заявил: «все кабинеты одинаково заинтересованы в вопросах, возбужденных таким дерзким нарушением международного права» [1, с. 525]. Казимир Перье, возглавлявший на тот момент правительство Франции, так объяснил свою позицию: «Международное европейское право защищаю я; вы думаете легко поддерживать договоры и мир? Но нужно поддерживать в тоже время и честь Франции; ради этого я обязан был сделать то, что я сделал». Франция на практике стала бороться за очерченные её лидерами сферы влияния. Ф. Гизо так говорил: «Необходимо, чтобы каждый занял свои места: Австрия заняла свои, сделаем тоже и мы». Франция держала в Анконе свой гарнизон вплоть до 1839 г.

В 1836 г. французское правительство, которое возглавил А. Тьер, поборник активной внешней политики Франции, впервые начинает делать попытки сближения с «северными дворами». До этого единственным и ключевым союзником, по мнению французских либералов, находившихся у власти, могла быть только Англия, в силу схожести политико-идеологического строя.

Показателем большой заинтересованности правительства Тьера в сближении с этими немецкими государствами стала крайне сдержанная позиция, занятая Францией по Краковскому делу. На тот момент Краков был маленькой республикой и единственной независимой областью в Польше. Его статус был зафиксирован Венским договором 1815 г., а оставшаяся часть Польши, как известно, была поделена между Австрией, Пруссией и Россией. Вполне логично, что именно в Кракове скрывались все поляки, боровшиеся за национальное единение и независимость и преследовавшиеся по этим при-

чинам властями Австрии и Пруссии. Несмотря на большую осторожность Сената, управлявшего Краковской республикой, её территория превратилась в настоящее логово заговорщиков. Поскольку Австрия сильно боялась возможных беспорядков на контролируемой ею польской территории, то побудила своих союзников к совместной интервенции, чтобы изгнать оппозиционеров-поляков из Кракова.

9 февраля 1836 г. Австрия, Пруссия и Россия потребовали от краковских властей, чтобы те изгнали политических эмигрантов, считавшихся опасными. Они предоставили Сенату Кракова восемь дней, в течение которых власти Кракова должны были выдворить со своей территории польских политических эмигрантов. Власти города не стали этого делать, и 17 февраля 1836 г. австрийские войска, поддержанные прусскими и русскими частями, вошли в Краков.

Французское правительство во главе с А. Тьером не осудило действия «северных держав», прибегнувших к давней практике Священного союза. Такая сдержанная позиция объяснялась, прежде всего, стремлением Франции наладить отношения с Австрией и Пруссией, и таким образом, отказаться от ориентации исключительно на союз с Англией. 15 апреля 1836 г. А. Тьер написал письмо французскому послу в Санкт-Петербурге Просперу де Баранту, которое вполне можно считать внешнеполитической программой Франции того времени: «Вы говорите мне о союзах... Я являюсь сторонником союза с Англией, но без отдаления от других стран. Не нужно помещать нас между двух лагерей, один из которых состоит из трех северных дворов, другой из двух морских держав, которые из-за вражды словесной или неприязни внешней готовят себя к большей напряженности. Сегодня в Европе единственное, что можно делать, это ждать, и пребывая в ожидании, улучшать наше внутреннее положение, усиливаться, становиться богатыми и могучими... Чуть позднее мы это увидим; когда случится неожиданность, мы будем к этому готовы благодаря покою и длительному миру. В этом заключается моя позиция» [3, р. 340-341].

С другой стороны, А. Тьер признавал законность требований «северных держав» и, таким образом, оправдывал их действия. «Я Вам только скажу, что Краковское дело меня удручает. Я знаю, что действия изгнанников были гнусными, я знаю, что Венский договор оставляет мало сомнений в праве, которое используют, но я сожалею, что не продлили срок на несколько дней, предоставленный краковским властям, чтобы соблюсти все внешние приличия со своей стороны...», – писал Тьер французскому послу в Вене Сент-Олеру. Надо отметить, что Франции самой приходилось бороться с европейскими революционерами в Швейцарии, стремившимися уничтожить Июльскую монархию, и поэтому Тьер хорошо понимал те проблемы, с которыми сталкивались австрийские власти. Возможно,

это также сыграло роль в его сдержанных оценках по Краковскому делу.

Оценки французского правительства по ситуации в Кракове явились полной противоположностью позиции английского правительства, энергично протестовавшего против действий «северных дворов». Английское правительство в лице Г. Пальмерстона настойчиво добивалось от правительства Тьера совместного принятия ноты протеста против действий «северных дворов».

Но А. Тьер ограничился только требованием о немедленной эвакуации из Кракова войск Австрии, Пруссии и России и не настаивал на том, что действия континентальных держав подрывали нормы международного права. Именно такую установку дал Тьер своему послу в Лондоне генералу Ф. Себастиани: «Лорд Пальмерстон, тем не менее, считает, что нельзя уклониться от демарша, поскольку иначе три двора вообразят, что можно безнаказанно завладеть маленьким государством Краковом, без того, чтобы Франция и Англия не взволновались. Я разделяю его мнение, и вот что я сделал... Представители трех дворов предприняли демарш одновременно, чтобы объявить мне и объяснить вооруженную интервенцию в Краков. Выслушав их заявления, я сказал следующее... Я не обсуждаю право, потому что противоречия в текстах договоров, когда эти договоры не являются очевидными и неоспоримыми, приводят к чистому крючкотворству и злоупотреблению правом, и никогда никому не идут на пользу. Я ограничился обсуждением обычаев, имеющих силу закона (*usage de droit*). События в Кракове, к которым привело преступное поведение беженцев, достойно не меньшего сожаления, это очень прискорбно. Кроме того, я потребовал немедленного вывода войск из Кракова.... Теперь я согласен с ними (послами трех держав – прим. И.И.) по одному пункту, который может здорово смягчить это дело. А именно принять во Франции часть беженцев (имеются в виду польские заговорщики – прим. И.И.), если их не очень много...» [Le Journal des Débats, 27.II.1836].

В целом, во Франции многие либералы осудили эту интервенцию «северных держав». Французские доктринёры отметили, что она была «новым нарушением Венского договора в отношении польской нации и движением к исчезновению одного из независимых государств, которое составляло европейскую Конфедерацию...» [Le Journal des Débats, 27.II.1836].

Левые либералы осуждали не только саму интервенцию, но и условия, поставленные «северными державами», и одобряли отказ краковского Сената подчиниться этим требованиям: «Что доказывает несправедливость и резкость этих экстраординарных требований, так это то, что державы не соизволили, как это делается на практике, указать на конкретных людей, против которых добиваются принятия таких суровых мер. Требовали, чтобы Сенат стал доносчиком и сам бы разыскивал изгнанников,

чтобы доставить их ненавидящим преследователям. Это была такая степень унижения, с которым Сенат Кракова не мог согласиться, и никакая власть не пошла бы на это в какой-либо стране, не обесчестив себя...» – писала газета Левой династической «Курье франсэ» [Le Courrier français, 8.III.1836].

Эта же газета была разочарована пассивностью французского правительства: «Господин Тьер, который имеет наглость ограничивать дипломатию полезными демаршами и который не ценит стратегию протоколов, не протестует больше против оккупации Кракова...» [Le Courrier français, 8.III.1836]. Потребовалось некоторое время, чтобы урегулировать польскую проблему. Три «северных двора» согласились существенно сократить число изгнанных поляков. Поляки были высланы во Францию, откуда многие позднее отправились в США. В апреле 1836 г. из Кракова были выведены войска «северных держав».

Одним из важных событий в период первого правительства Адольфа Тьера стала организация и осуществление поездки Орлеанских принцев в Австрию и Пруссию. Подготовка путешествия принцев в Берлин и в Вену являлась важным шагом на пути к сближению с континентальными европейскими дворами. Таким образом, Франция надеялась занять более выгодное место в пентархии великих держав.

Эта инициатива Тьера отвечала чаяниям французского короля Луи-Филиппа. Его давняя мечта заключалась в том, чтобы породниться с королевскими домами континентальной Европы, и тем самым, быть признанным «братом» европейских государей. Еще до 1836 года вопрос о поездке Орлеанских принцев по Германии ставился несколько раз. В 1834 г. по этому вопросу были начаты переговоры с Австрией, которая тогда дала согласие на приезд Орлеанских принцев в Вену. Но смерть австрийского императора Франца II заставила отказаться от этого проекта.

Предыдущий глава правительства и внешнеполитического ведомства Франции герцог В. де Бройль, в отличие от Тьера, не был сторонником франко-австрийского сближения, и поэтому считал невозможной свадьбу герцога Орлеанского и эрцгерцогини Терезы. Доктринёр Виктор де Бройль не желал компрометировать свой кабинет министров несвоевременным демаршем, не вызывавшим положительных откликов во французском обществе. Идея союза с Австрией воспринималась французским общественным мнением крайне отрицательно. Австрия считалась одной из главных виновниц унижительных Венских договоров 1815 г. Поэтому, если де Бройль позволял своему послу в Вене Л. де Сент-Олеру поддерживать в разговорах с Меттернихом саму идею поездки, чем особенно дорожила королевская семья Франции, сам он продемонстрировал свою абсолютную незаинтересованность в этом вопросе.

Такое отношение де Бройля к австрийской свадьбе вызывало раздражение у Луи-Филиппа.

Поэтому, как только Тьер стал министром иностранных дел, проект был снова реанимирован. Корреспонденция французского посла в Пруссии Шарля-Жозефа Брессона позволяет думать, что определённые контакты по поводу возможной поездки принцев в Берлин были начаты французской стороной с королем Пруссии уже через две недели после назначения Тьера министром иностранных дел и премьер-министром Франции.

Французское правительство придавало очень большое значение сближению с Австрией путём объединения двух королевских фамилий. Однако бракосочетания герцога Орлеанского и эрцгерцогини Терезы не произошло. Многие члены австрийского императорского дома не считали возможным брак эрцгерцогини Терезы с сыном «короля баррикад» Луи-Филиппа.

Хотя А. Тьер и выступал за тесный союз с Англией, для него был характерен больший прагматизм и «многовекторность» во внешней политике, чем для предыдущего главы МИД Франции доктринера В. де Бройля. Тьер старался диверсифицировать внешнюю политику Франции, попытавшись первым из французских политиков Июльской монархии сблизиться с Австрией и Пруссией, и, таким образом, не ориентироваться исключительно на Англию на международной арене. «Политика разрядки» в отношениях с Австрией и Пруссией, к которой Тьер приступил почти сразу после своего назначения главой правительства, стала главной новацией во внешнеполитическом курсе Франции. А. Тьер первым из французских либеральных политиков попытался преодолеть характерное для многих французских либералов того времени мышление, заключавшееся в антагонистическом противопоставлении либеральных (Великобритания, Франция, Испания, Португалия) и абсолютистских (Россия, Австрия, Пруссия) государств Европы.

В 1840 г. в ходе второго Восточного кризиса правительство А. Тьера впервые после наполеоновских войн противопоставило себя остальной Европе. В конечном итоге, французский король отправил Тьера в отставку, и войны не произошло, но стратегические позиции Франции на Ближнем Востоке оказались ослаблены. Тем не

менее, обострение международного конфликта способствовало усилению французской армии и флота, чему активно содействовал Тьер. Именно при правительстве Тьера в 1840 г. французский военный флот был доведен до девятнадцати линейных кораблей – столько же линейных кораблей насчитывалось в британской Средиземноморской эскадре. При этом следует учитывать, что корабли ВМФ Франции превосходили свои британские аналоги по мощи артиллерии. Кроме того, Тьер по-настоящему напомнил французам о позабытом величии Франции, что отразилось в том числе в переименовании в ноябре 1840 г. нескольких строящихся линейных кораблей: «Бусентар» стал «Ваграмом», «Диомед» — «Тильзитом», «Эоль» — «Эйлау», «Аякс» — «Аустерлицем», а «Ахиллес» — «Бреслау» [6, р. 24].

В первой половине 40-х гг. XIX в. главным внешнеполитическим союзником Франции оставалась Англия, хотя от такого «союза» в большей степени страдала сама Франция – Великобритания традиционно рассматривала Францию как младшего партнера, из-за чего национальный престиж Июльской монархии в глазах французов был несколько подорван. Однако окончательно поняв, что пути двух главных морских держав Европы окончательно разошлись, глава МИД Франции Ф. Гизо с 1846 г. переориентировал внешнюю политику Франции на союз с Австрией и Россией. До Февральской революции 1848 г., которая затормозила Францию в деле улучшения собственного статуса в Венской системе МО, дипломатия Гизо была ориентирована на решение итальянских и швейцарских дел. Такой внешнеполитический выбор был вполне объясним, поскольку Франсуа Гизо считал, что интересы Франции распространялись на такие страны, как Испания, Северная Италия, Швейцария и Бельгия, которые по его образному замечанию образовывали «пояс» Франции [5, р. 259].

Дальнейшие успехи французской дипломатии будут связаны с периодом Второй империи во Франции, в частности, с Крымской войной, в результате которой Франция повысила свой статус, и решением итальянского вопроса во второй половине 60-х гг. XIX в.

Список литературы

1. Грегуар Л. История Франции в XIX веке. М., Типо-литография В.Ф. Рихтер, 1893. Т. 1.
2. Archives parlementaires de 1787 a 1860 : recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises , imprimé par ordre du Corps législatif / sous la direction de MM. J. Mavidal et E. Laurent 2-me serie. V. XXXVIII. Paris, P. Dupont, 1867. 744 p.
3. Barante de A. Souvenirs de baron de Barante. Paris, Calmann Levy, 1895. Vol. 5. 574 p.
4. Chateaubriand F.-R. Congres de Verone. Guerre d'Espagne. Negotiation. Colonies espagnoles. V. I, Paris, Delloye, 1838. 509 p.
5. Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Paris, M. Levy frères, 1859. Vol. 2. 521 p.
6. Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840-1870. New-York, Oxford University Press, 1993. 359 p.
7. Thiers A. La monarchie de 1830. Paris, A. Mesnier, 1831. 160 p.
8. Le Courrier français, 1836.
9. Le Journal des Débats, 1836.

Об авторе

Игнатченко Игорь Владиславович – к.и.н., заведующий кафедрой всеобщей истории Исторического факультета Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: ignatchenko_igor@mail.ru.

**FRANCE IN THE VIENNA SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS
(THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY)**

I.V. Ignatchenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Russia, 119606. Prospekt Vernadskogo, 84.

Abstract: *The Vienna system of international relations established at the Congress of Vienna in 1814-1815, was a real challenge for the French political elite during all subsequent decades. France was a defeated party and was thus morally humiliated. The objective for all French governments after 1815 was to improve the position of France in this new system of international relations, including due to the destabilization and breaking of the Vienna system. In the years of the Restoration in France (1814-1830) a major foreign policy action of the government of Louis XVIII was the intervention in Spain in 1823, which refers to the Spanish revolution of 1820-1823. The French government, reflecting the interests of the European reaction, had hoped to raise these military prestige of France, and consequently to raise the question of the revision of the treaties of Vienna of 1815. Despite the success of the intervention, she has not brought the big political dividends in France. After the July revolution 1830 in France, the foreign policy of France intensified. Leading French politicians defined quite clearly exclusive spheres of influence of France, and in 1832 the French troops invaded Central Italy, capturing the city of Ancona. In 1840, during the second Oriental crisis, the French government has opposed themselves to the rest of Europe for the first time since the Napoleonic wars. Ultimately, the strategic position of France in the middle East was weakened. But the exacerbation of international conflict contributed to the strengthening of the French army and Navy. Further successes of the French diplomacy will be linked to the period of the Second Empire in France, in particular, with the Crimean war, that raised has raised status of France, and the decision of the Italian question in the second half of the 60-ies of the XIX century.*

Key words: The Vienna system of international relations, France, the Restoration, the July monarchy, the Eastern crisis, intervention, Louis XVIII, F. Chateaubriand, A. Thiers, F. Guizot.

References

1. Grégoire L. Histoire de France, période contemporaine. Paris, Garnier frères, 1879. 514 p. (Russ. ed.: Greguar L. Istoriia Frantsii v XIX veke. Moscow, V.F. Rikhter edition, 1893. V. 1. 514 p.)
2. Archives parlementaires de 1787 a 1860 : recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises , imprimé par ordre du Corps législatif / sous la direction de MM. J. Mavidal et E. Laurent 2-me serie. V. XXXVIII. Paris, P. Dupont, 1867. 744 p. (In French)
3. Barante de A. Souvenirs de baron de Barante. Paris, Calmann Levy, 1895. Vol. 5. 574 p. (In French)
4. Chateaubriand F.-R. Congres de Verone. Guerre d'Espagne. Negotiation. Colonies espagnoles. V. I, Paris, Delloye, 1838. 509 p. (In French)
5. Guizot F. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps. Paris, M. Levy frères, 1859. Vol. 2. 521 p. (In French)
6. Hamilton C. I. Anglo-French Naval Rivalry, 1840-1870. New-York, Oxford University Press, 1993. 359 p.
7. Thiers A. La monarchie de 1830. Paris, A. Mesnier, 1831. 160 p. (In French)
8. Le Courrier français, 1836.
9. Le Journal des Débats, 1836.

About the author

Igor V. Ignatchenko – Ph.D. in French history, Head of the Department of Global history, Historical Faculty, School of Public Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: ignatchenko_igor@mail.ru.